

18+

Назаров Игорь

Литературное наследие
Книга 5

Игорь Назаров

Литературное наследие. Книга 5

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68884191
ISBN 9785005962393*

Аннотация

Архив моих произведений из публикаций на литературных порталах, альманахов, конкурсах – региональных, республиканских, всероссийских, Международных. Пришло время подводить итоги десятилетней творческой работы летописца. Ранее статьи публиковались в сборниках автора: «Чем живет душа моя», «Стройка века», «Дым Отечества», «Исповедь провинциала», «Живём и помним» и др.

Содержание

Литературное наследие	5
Битва на реке Крапивна	6
Случай в пути	16
Одиночество	26
За письменным столом	49
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Литературное наследие

Книга 5

Игорь Назаров

© Игорь Назаров, 2023

ISBN 978-5-0059-6239-3 (т. 5)

ISBN 978-5-0059-5069-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Литературное наследие

Книга 5

Битва на реке Крапивна

500-летию битвы под Оршей посвящается

Вместо предисловия

Волею судьбы, выделенные участки для садового товарищества, оказались расположены в дуге, между Днепром и его притоком, реки Крапивны. Бросовая земля, поросшая кустарником и мелким, смешанным лесом, быстро освоилась жаждающим труда народом. Проходят годы, наступают дикие 90-е годы развала большой страны СССР. Всплывают на поверхность жизни новые течения общественного устройства отделённых государств. Появляются так называемые свободные от всего и стремящиеся к власти «народные фронты». Начинаются поиски национальных приоритетов, в том числе и в историческом прошлом. В один из дней начала сентября конца 90-х, на высоком холме правого берега реки Крапивна, мы, дачники, увидели скопление пришлых людей за воздвижением высокого поклонного креста. Вечером того же дня, у костра собралось множество людей, слышна была речь на белорусском языке. Раздавались возгласы здравницы в честь свободы и независимости Белоруссии. Через некоторое время узнаём, что белорусский народный фронт из столицы, проводил здесь акцию памяти в честь победного сражения великого – княжеского войска Литовского, над войсками Московского княжества, которое состоялось

здесь, на реке Крапивна под Оршей, 8 сентября 1514 года. Так мы узнали – в какое историческое место нас определили жить дачной жизнью. Прямо скажем, мы были в полном недоумении – где Литва, а где Орша, и как это войско сюда попало. Одним словом услышанное привело к желанию узнать истинную историю этой битвы и её подробности, а главное удивила победа войска Литовского над войском Московского княжества. Это событие вообще не укладывалось в рамки восприятия. Из учебников истории я не мог вспомнить эту битву, хотя учился в школе хорошо. Это и стало целью моего исторического исследования сейчас, когда появилось время и желание разобраться окончательно в завышенной оценке этой неизвестной битвы в далёком прошлом.

Много летописцев было в нашей истории, и среди них особняком, на почётном месте находятся Н.М.Карамзин, С.М.Соловьёв, В.О.Ключевский. За годы собирательства библиотеки, удалось приобрести полное собрание сочинений С.М.Соловьёва, в 36-ти томах и В.О.Ключевского, в 9-ти томах, ученика Сергея Михайловича, это поистине сокровище нашей исторической науки.

Тщательно и с большим интересом просматриваю тома Соловьёва, в томе 5, часть 2, глава 2, на странице 237, нахожу события, которые предшествовали Оршанской битве, описаны подробно, начиная с 1-го августа 1514 года. Учитывая многочисленные инсинуации, а порой и враньё, в мно-

гочисленных публикациях Интернет-сети, привожу полный текст историка. Он читается с интересом и не утомит терпеливого читателя, вознаградит его полнотой знаний о событии трагическом по своей сути в истории нашего Отечества.

1 августа 1514 года после водоосвящения Василий III вступил торжественно, за крестами в Смоленск вместе с владыкою и был встречен всем народом; после молебна и многолетия в соборной церкви владыка сказал ему: «Божьей милостью радуйся и здравствуй, православный царь Василий, великий князь всея Руси, самодержец, на своей отчине, городе Смоленске, на многие лета!». Князьям, боярам и мещанам (горожанам) смоленским Василий объявил своё жалованье, уставную грамоту, назначил им в наместники боярина князя Василия Васильевича Шуйского и позвал их обедать, после чего каждый получил дары.

Устроившись таким образом в Смоленске, великий князь выступил в обратный поход, к Дорогобужу, пославши воевод своих к Мстиславлю: здешний князь, Михаил Ижеславский, присягнул государю московскому, то же сделали жители Кричева и Дубровно. Для оберегания Смоленска на случай прихода Сигизмунда отправился к Орше князь Михаил Глинский; к Борисову, Минску и Друцку двинулись воеводы: двое братьев князей Булгаковых-Патрикеевых, Михаил Голица и Дмитрий Ивановичи, да канюший Иван Андреевич Челядин. Но король Литвы выступил уже к ним навстречу из Минска к Борисову: он надеялся на успех своего

дела, и эту надежду вселил в него Михаил Глинский. Видно одно, что Глинский, хотя и не имел обещания великого князя Василия относительно Смоленска, тем не менее надеялся, что ему отдадут этот город, считая себя главным участником его взятия и вообще успеха войны, ибо по его старанию были вызваны из-за границы искусные ратные люди; очень вероятно, что знаменитый пушкарь Стефан был из их числа. Глинский при своём страстном желании получить независимое положение, особое княжество, думал, что имеет право надеяться Смоленского княжества, то со стороны Василия III было бы большою неосторожностью выпустить из рук этот давно желанный, драгоценный Смоленск, ключ к Днепровской области, отдать его Глинскому хотя бы и с сохранением права верховного господства, отдать его Глинскому, характер которого-способность к обширным замыслам, энергия при их выполнении не могли дать московскому государю достаточного ручательства в сохранении этого важного приобретения.

Обманувшись в своих надеждах относительно Смоленска, видя, что ему надобно дожидаться завоевания ещё другого княжества в Литве, завоевания сомнительного, ибо король Литвы уже приближался с войском, Глинский завёл переговоры с Сигизмундом. Он очень обрадовался предложению Глинского, придавая советам последнего большое влияние на успехи московского оружия. Глинский решился покинуть тайно московский отряд, ему вверенный, и бежать в Оршу;

но один из ближних его слуг в ту же ночь прискакал к князю Михайле Голице, объявил ему об умысле Глинского и указал дорогу, по которой поедет беглец. Голица, давши знать об этом другому воеводе, Челядину, немедленно сел на коня и с своим отрядом, перенял дорогу у Глинского и схватил его ночью, когда тот ехал за версту впереди от своих дворян; на рассвете соединился с Голицею Челядин и повезли Глинского в Дорогобуж к великому князю Василию, который велел заковать его и отправить в Москву. Королевские грамоты, вынутые у Глинского, послужили против него явной уликой. Распорядившись насчёт Глинского, великий князь Василий III велел своим воеводам двинуться против короля Литовского; тот оставил при себе четыре тысячи войска в Борисове, остальные под начальством князя Константина Острожского отправил навстречу к московским воеводам, у которых, по иностранным сведениям, было 80 000 войска, тогда как у Острожского – не более 30 000 войска.

После нескольких небольших стычек в конце августа Челяднин перешёл на левый берег Днепра у Орши и здесь решил дожидаться неприятеля, не препятствуя ему переправляться через реку, чтоб тем полнее была победа. 8 сентября 1514 года произошёл бой: русские начали нападение, и долго с обеих сторон боролись с переменным успехом, как наконец литовцы намеренно обратились в бегство и подвели русских под свои пушки; страшный залп смял преследующих, привёл их в расстройство, которое скоро сообщилось и всему вой-

ску московскому, потерпевшему страшное поражение: все воеводы попались в плен, не говоря уже об огромном количестве убитых ратников; река Крапивна запрудилась телами москвитян, которые в бегстве бросались в неё с крутых берегов. Сигизмунд, извещая литовского магистра об Оршанской победе, писал, что москвичи из 80 000 потеряли 30 000 убитыми; взяты в плен: 8 верховных воевод, 37 начальников второстепенных и 1500 дворян. По московским известиям, Острожский сначала занимал Челяднина мирными предложениями, а потом внезапно напал на его войско; первый вступил в битву князь Михаила Голица, а Челядин из зависти не помог ему; потом литовцы напали на самого Челядина, и тогда Голица не помог ему; наконец неприятель напал в третий раз на Голицу, и Челядин опять выдал последнего, побежал и тем решил судьбу битвы; но московские источники согласны с литовскими относительно страшных следствий Оршанского поражения.

Дубровно, Мстиславль, Кричев немедленно сдались Литовскому королю. Это предательство не прибавило силы войску литовскому – Смоленск, его граждане бились крепко; Острожский должен был отступить от города, московские ратные люди и горожане преследовали его и взяли много воевод. Великий князь одобрил поведение Василия Шуйского, прибавил ему войска и выступил из Дорогобужа в Москву. После этих событий летописцы надолго прекращают рассказ о военных действиях между Москвой и Литвой. Понятно,

что первая должна была отдохнуть после Оршанской битвы; но вредные следствия этой битвы для Москвы ограничились только потерей людей, потому что король не мог извлечь из неё для себя никакой пользы, не мог даже возвратить себе Смоленска, приобретение и удержание которого для Василия служили достаточным вознаграждением за все потери.

Вот всё, что изложил С. М. Соловьёв по сути исторической Оршанской битвы. Здесь ни убавить, ни прибавить нечего. На чём здесь возвеличивать Литву и тем более Беларусь? Надо обращаться к достоверным историческим источникам, напрягать ум и трезвое воображение, тогда отпадёт всякое желание ложно подыматься в своих постыдных амбициях и ратовать за «национальное превосходство». История изменяется, а циничные фальсификаторы остаются в тени и забвении.

Последствия поражения под Оршей.

Русские войска после битвы отступили к Смоленску. Литовская армия начала возвращение занятых русскими городов – Друцка, Дубровны, Кричева, Мстиславля, в это же время гетман Острожский, получив от епископа Варсонофия известие о намерении сдать Смоленск, подошел к городу с 6-тысячным войском. Однако московские воеводы, оставленные для обороны Смоленска, вовремя раскрыли заговор и повесили заговорщиков на городских стенах ко времени подхода Острожского. Как писал русский историк Соловьёв: «Острожский посылал к смольнянам грамоты с увещания-

ми передаться Сигизмунду, тщетно делал приступы к городу: доброжелателей королевских не существовало более, и остальные граждане бились крепко; Острожский должен был отступить от Смоленска, русские ратные люди и горожане преследовали его и взяли много возов. Великий князь одобрил поведение Шуйского, прибавил ему войска и выступил из Дорогобужа в Москву»

Результатом сражения было практическое прекращение ведения военных действий в течении 3-х последующих лет.

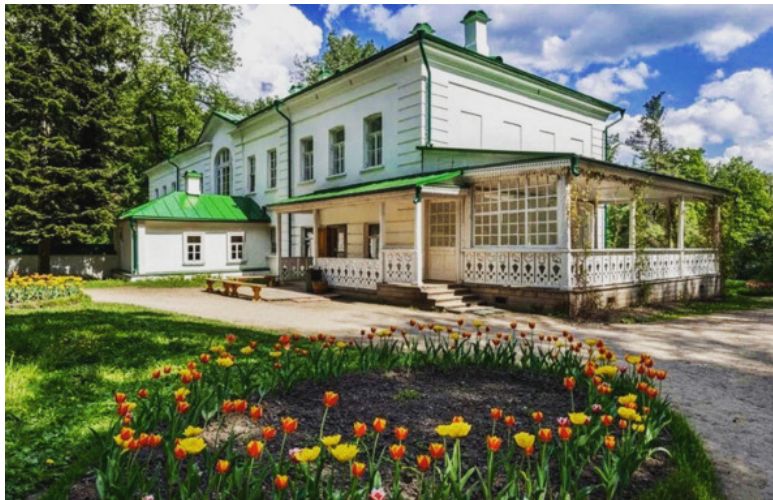
Оршанская битва имела тактический успех для войска короля Сигизмунда, однако в стратегическом плане имела весьма ограниченное значение, главной цели похода – возвращение Смоленска они так и не достигли. Смоленск по договору 1522 года вместе с другими областями остался в составе Московского государства.

В то же время Литовское государство ловко использовало победу под Оршей в пропаганде – была развернута широкая пропагандистская кампания в Европе.

Историческое значение Оршанской битвы активно используется для пропаганды рядом политических деятелей Белоруссии, Литвы, Польши, т.к. является крупнейшей из немногочисленных побед над войсками Московского государства в ходе всех русско-литовских и русско-польских войн. При этом ряд белорусских историков и политиков мифологизируют это событие, называют воинов Великого княжества Литовского белорусами, отождествляют Великое

княжество Литовское с Белоруссией и полностью отрицают участие поляков в сражении. Из других мифов можно привести утверждения, что в этой битве впервые использовался бело-красно-белый флаг (флаг белорусских нацистов), битва остановила продвижение русских войск на несколько десятилетий, что после битвы были отбиты у Московского государства Гомель, Чернигов и Брянск, что погибло не менее 40 тысяч русских. Потери в таких войнах неизбежны, возвращение утраченных земель вскоре наступит и Русь обретёт былую мощь.

Цицерон *История-свидетель прошлого, свет истины, живая память, учитель жизни..*

*Главный корпус барского дома – вход в музей-квартиру
Л. Н. Толстого. Сентябрь 1978.*

Случай в пути

Рассказ

Начало сентября выдалось на редкость теплым и устойчивым солнечными деньками. В душе и сознании захотелось в дорогу, увидеть красоту осени средней полосы России, мастерски описанную писателем К. Г. Паустовским. Давно мечтал побывать такой порой в музее – усадьбе Ясная Поляна, родовом и творческом гнезде графа Толстого, нашего не превзойденного классика литературы. Со школьной скамьи врезалась в память его знаменитая трилогия: «Детство. Отрочество. Юность». По мере взросления перечитал многие полюбившиеся азы его творчества: «Круг чтения», «Дневники», «Записки христианина», «Чем люди живы», «Моя жизнь», – стали для меня частыми советчиками в житейских делах и помыслах. В юбилейный год, 150-летия со дня рождения Л. Н. Толстого, выдалась возможность поехать в заветное местечко.

Поезд Харьков-Москва, прибыл на станцию Тула в начале шестого часа утра. Солнце пробивалось через ветви деревьев привокзального парка. День обещал быть хорошим, солнечным, а для меня он казался еще и праздничным – так долго сюда стремился приехать, побывать в святыне литературных заповедников России, уж больно места здесь известные, что и говорить. Осматриваю вокзал, знакомлюсь с окрестно-

стями. Дежурная по вокзалу рассказывает, как пройти для посадки на рейсовый автобус до Ясной Поляны. Расстояние до заповедника всего 14 км., в сторону юго-западного направления от Тулы. Начинаю прикидывать, сколько время потрачу на ожидание, проезд со всеми остановками, плюс пеший ход до музея-усадьбы. Подхожу к скучающему таксисту, интересуюсь ценой проезда, соглашаюсь на допустимые для меня расходы. С шиком отъезжаем с привокзальной площади Тулы. Разговорчивый таксист просвещает меня об окрестностях по ходу следования к заповедному месту России. Настроение не земное, полный восторг от продуманной поездки. Промелькнул въездной указатель поселения. Издалека вижу знаменитые белые колонны при входе в поместье графа Толстого. Плавно приближаемся к обозначенной разрешенной стоянке транспорта. Из охранного помещения, со стороны левой колонны, ко мне навстречу выходит дежурный милиционер. Прошу водителя подождать меня, пока узнаю о возможности посещения усадьбы:

– Кто вы такие, откуда? – Поинтересовался пожилой старшина, с доброй улыбкой на лице.

– Издалёка, товарищ, старшина, из Белоруссии, а вообще мечтал сюда приехать, когда еще жил на Урале.

– Да, занесла вас судьба в наши края, действительно с края света, – проговорил постовой охраны и добавил:

– Сегодня у нас выходной, но так и быть, проходите, смотрите территорию, в сами здания вы не попадете, да и так есть,

что посмотреть. Указатели проведут по всем заповедным местам, не заблудитесь. Идите, смотрите, отдыхайте душой.

Поблагодарил за гостеприимство старшину, водителя такси за доставку сюда и содержательный рассказ о тульской земле. С радужными чувствами увидеть колыбель русского литературного мира и философской мудрости России XIX, переступил порог входных ворот усадьбы самого графа Толстого.

Перед входом в музейный комплекс расположен информационный стенд с планом усадьбы и другой полезной информацией. Переписал в свою записную книжку объекты посещения и тронулся в путь. От башен к дому писателя ведет березовая аллея, называемая «Прешпект». Писатель любил её и неоднократно упоминал в своих произведениях. По правую сторону «Прешпекта» разбит английский парк с каскадом из трех небольших прудов: Верхнего, Среднего и Нижнего. Поворачиваю с «Прешпекта» налево, к дому Волконского, и люблюсь дивными яблоневыми садами. Плодовые сады – украшение яснополянской усадьбы. Молодой Л. Н. Толстой увеличил площадь сада с 10 до 40 гектаров. В первый год после женитьбы он, по воспоминаниям жены, «насажал большой яблочный сад, говоря, что это для Сережи, который тогда родился» (Сережа – старший сын Толстых). Слева от дороги сад старый, с разными сортами яблок, которые по осени тут можно купить, поведали рабочие усадьбы, как оказалось выходной сегодня только для ад-

министратии музея. Справа – молодые саженцы. Маленький синий домик в глубине сада назывался «павильон», в нем в летнее время жили гости, в том числе художники Репин и Ге, портрет Толстого его кисти, один из лучших, запечатлевших нашего классика. В старом саду встретил красивых лошадок, которых выпустили на прогулку из конюшни – как и в старые времена, она находится напротив дома Волконского. На лошадях при желании можно прокатиться. Вокруг дома Волконского расположились и другие хозяйственные постройки: птичник, сарай, кучерская изба. Картина увиденного уголка усадьбы очень живописна и напомнила мне, то далекое время образцового ведения хозяйства в имении знаменитого графа. Дом Волконского – самое старое здание в усадьбе. Предполагается, что в нем некоторое время жил дед писателя князь Н. С. Волконский (считается, что он стал прототипом старого князя Болконского из «Войны и мира», а его дочь, мать писателя – прототипом княжны Марьи). При князе в центральной части дома располагались мастерские по изготовлению полотна, ковров, обработке кожи. При Толстом здесь жила прислуга, находились прачечная и «черная кухня». В восточном крыле Дома Волконского размещалась художественная мастерская дочери Толстого Татьяны. Сейчас в этом здании находится администрация музея, а также проходят временные выставки. По дороге к дому Толстого прошел флигель Кузминских. В 1859 году во флигеле Толстым была открыта школа для крестьянских детей, просу-

ществовавшая три года. Позднее здесь останавливались гости. Чаще других здесь жила Татьяна Кузминская – младшая сестра жены писателя со своей семьей. По ее имени и назван флигель. Главная святыня – дом Л. Н. Толстого, в который он переехал в 1856 году. Сюда привез он в 1862 году свою молодую жену, позже дом достраивался, потому что его не хватало для большой семьи. В этом доме Толстой прожил более 50 лет. Все вещи, книги, картины здесь подлинные: они принадлежали Толстому, его домашним или даже предкам писателя. В доме сохраняется обстановка 1910 года, последнего года жизни Толстого. Обо всём этом рассказала мне словоохотливая смотрительница музея, руководившая рабочими по уборке территории.

Во время Великой Отечественной войны усадьба сильно пострадала, здесь стояли фашисты и при отходе пытались поджечь дом Толстого. К счастью, строение успели потушить и спасти, как и многие ценные экспонаты, которые заблаговременно эвакуировали в Томск.

До могилы Льва Николаевича прошел по живописной лесной дорожке. Лес смешанный лиственный, поросший кустарником.

Толстой похоронен, на краю оврага в лесу Старый Заказ – в точности по своему завещанию. Это место «зеленой палочки», легенду о которой писатель слышал в своем детстве от любимого брата Николеньки, рано ушедшего из жизни. Когда Никола было 12 лет, он объявил семье о вели-

кой тайне. Стоит раскрыть ее, и никто больше не умрет, не станет войн и болезней, и люди будут «муравейными братьями». Остается лишь найти зеленую палочку, зарытую на краю оврага. На ней тайна и записана. Дети Толстые играли в «муравейных братьев», усаживаясь под кресла, завешанные платками. Сидя все вместе в тесноте, они чувствовали, что им хорошо «под одной крышей», что они любят друг друга. И они мечтали о «муравейном братстве» для всех людей. Уже старым человеком Толстой напишет: «Очень, очень хорошо это было, и я благодарю бога, что мог играть в это. Мы называли это игрой, а между тем все на свете игра, кроме этого».

Осмотрев главные постройки поместья, набрел на указатель – «К реке Воронка». От дома писателя по тропинке, через луг направился к речке, где он любил купаться и посидеть на берегу красивейшего местечка. День только разгорался. Светило сентябрьское солнышко, картина жизни была приятной и восторженной. Осмотрел вязанную из лозы купальню и решил, что можно искупаться в знаменитой речке Воронке, любимой нашим классиком, благо, теплая погода позволяла и приглашала к этому действию. Искупался, перекусил тёщинными вкусными бутербродами и пошел дальше, вниз по лугу. Дошел до большой лесной поляны, по центру её стоит высокий раскидистый дуб, рядом с ним читаю табличку – «На этой поляне проходили съемки сцен охоты при снятии фильма «Война и мир». Посидел на бугор-

ке, мысленно представил кадры фильма, сама природа сделала сцены живыми, запоминающимися.

Между тем приближалось время завершения осмотра усадьбы – шел пятый час дня и, я побрел опять к дому писателя, чтобы попрощаться с увиденным. Подходя к дому, увидел сидящего на скамейке мужчину, среднего телосложения, на вид лет тридцати. Разговорились, познакомился, он представился как помощник лесничего заповедника. Разговор перешел на творчество писателя и места любимые им при прогулках по обширной территории поместья. Он вызвался подарить мне две книжки с описанием музея-заповедника и отлучился на полчаса, чтобы принести книги. Любопытство раздирало меня с примесью тихого восторга. Вскоре помощник пришел с книгами, изданных в 1977 году, Приокского книжного издательства, г. Тула. После беглого просмотра брошюр, мой новый знакомый предлагает познакомиться с краеведом, живущим в деревне Ясная Поляна, куда можно быстро попасть, переплывая на лодке одноименный пруд. Краевед дополнит мою библиотечку путешественника. Не раздумывая соглашаюсь на краткое мероприятие. Достигли другого берега пруда, помощник удалился в разведку к своему знакомому. Вскоре возвращается с понурым, недовольным лицом. Краеведа не оказалось на месте. Возвращаемся в усадьбу, ставим на место лодку, начинаем прощаться. Помощник предлагает проводить меня до вокзала в Туле, откуда я должен ехать в Москву. Такая любезность

меня подозрительно удивила. Соглашаюсь, рейсовым автобусом едем до станции Тула. В билетных кассах прилично пассажиров. Занимаю очередь, портфель отдаю знакомому поддержать его в зале ожидания на диване, так как он был тяжеловат держать его в руке, пока подойдет очередь в кассе. Покупаю билет, захожу в зал ожидания, ищу «помощника», которого след простыл. Стала понятной его сама любезность и желание угодить туристу редкими книгами. Но у меня был записан его домашний адрес, данный им, если вдруг приеду еще в знаменитое место. Иду в милицию и подробно описываю случившееся. Мне сообщают, что в данную минуту нет транспорта, чтобы добраться до адресата. Предлагаю взять такси и дать мне в сопровождающие свободного милиционера. Едем в город Щёкино, административный центр Тульской области, расположен в 25 километрах от центра Тулы на юг. Находим дом барачного типа на четыре квартиры. Безошибочно захожу в нужную комнату и вижу такую картину:— у порога стоит куча вещей, мой «обожатель» стоит посреди комнаты, на стуле перед ним стоит мой черный портфель, за голым столом сидят мужчина и женщина, сообщают «помощнику», что за неуплату за жильё он выселен и, теперь они будут жить в этой комнате. Открываю портфель, проверяю целостность вещей и молча удаляюсь от людской скверны. Лейтенант милиции, из такси так и не вышел, но поинтересовался как дела, все ли вещи на месте. Трогаемся в обратный путь на вокзал, до отправления моего поезда остается

чуть больше часа. Разговора в такси не получается, не хватает слов выразить маразматический случай, произошедший на лобном месте России.

С чувством горечи от дикого происшествия ожидаю на вокзале прибытие поезда. Гнев и негодование от нахождения проходимцев в таких святых местах, не проходили во мне в течение всего пути следования, до приезда домой. Самое страшное, что милиция не захотела накрыть этого «помощника лесничего» и его поделщика «краевода». Может быть, они уже обобрали не одного такого доверчивого человека. Да у меня и в мыслях ничего не возникало по нахождению в знаменитом Музее-усадьбе писателя людей, с такой сомнительной репутацией. Хорошо, что «краевода» не оказалось дома, двое с «помощником» они бы точно отправили меня на дно яснополянского пруда, за сто рублей, что были у меня на дорогу. Расстался бы с жизнью за отобранные гроши от рук самозванцев – уголовников и где, на лобном месте Отечества!

Эта поездка научила меня быть разборчивым в знакомствах с людьми в памятных и дорогих русскому человеку местах России. Жаль, что порой их оскверняют приблудившиеся люди в поисках легкой наживы.

Если вы добрались до Ясной Поляны, то стоит обязательно заехать и на железнодорожную станцию Козлова Засека, что примерно в трех километрах от усадьбы. Здесь неоднократно бывал Толстой, отсюда он уехал в свой последний

путь... Спустя несколько дней тело писателя привезли сюда для похорон, а гроб с ним до самой Ясной Поляны по ноябрьскому морозу несли на руках его почитатели. Станцию отреставрировали под начало XX века, здесь есть небольшая выставка о Л.Н.Толстом. В настоящее время у музея есть замечательный проект, позволяющий любому желающему совершить путешествие по железной дороге, по которой в последний раз проехал Толстой.

*Нет предела человеческой подлости, как и нет
предела человеческой доброте.*

Виктория Придворная

Одиночество

Эссе

Бертран Рассел. *Все мое детство я испытывал сильное чувство одиночества и тщетно надеялся встретить человека, с которым я мог бы поговорить. Природа, книги и позже математика спасли меня от этой глубокой подавленности....Я искал любви... ибо она спасает нас от этого страшного одиночества, которое заставляет наше сознание преклоняться, трепеща, перед неизмеримой ледяной бездной небытия... Одиночество человеческого сердца невыносимо...*

С самого раннего возраста, мы оказываемся не одни. Вокруг нас всегда есть люди, те, кому до нас есть дело. С детства мы вырабатываем в себе потребность быть с людьми. Всегда оставаться с кем-то. В одиночестве нам становится страшно...

А быть с другими, нам кажется комфортно, приятно, радостно...

По мере того, как мы растем, потребность быть среди людей в нас усиливается. Мы стремимся находить новых друзей, вступать в сообщества, создавать сообщества. Все эти стратегии обслуживают глубинный страх: не быть одному!

Когда ты в толпе, ты знаешь, кто ты. Ты и окружающие знают все твои регалии, почетные титулы, дипломы, дости-

жения. Ты знаешь данные своего паспорта. Тебя уважают, а некоторые, даже говорят, что любят тебя. И ты веришь.

Но, в тот момент, когда ты выходишь из толпы, покидаешь ее, где твои титулы? Кто ты на необитаемом острове? Кто ты в своей квартире, когда в нее не стучится сосед. Каково тебе, когда пятые сутки молчит телефон? Даже операторы мобильной связи не шлют тебе свой спам. Ты смотришь за окно, а там бегают дети, что-то кричат, веселятся. Или бабушки сидят у подъезда: все они вместе. Тебе кажется, что они есть друг у друга. А ты начинаешь сходить с ума. Чувствуешь свою ничтожность и незащищенность. Может быть, ты был не более чем суммой мнения толпы?

«А вообще, где Я? Где во всем этом – Я?» Е. Гришковец.

«В одиночестве каждый видит в себе то, что он есть на самом деле» Артур Шопенгауэр.

В своем одиночестве тебе приходится все открывать заново. По-новому, как в детстве смотреть на вещи, людей, мир. И только сильный человек способен взглянуть правде в глаза: никто и никогда не услышит ту мелодию, что звучит у тебя в голове.

Мы рождаемся одни, живем одни и умираем одни. Никто не проживет этот путь с нами. Мы можем встретить лишь попутчиков, у которых та же ситуация. Одиночество – наша природа, но мы ее не осознаем, бежим от нее. Мы создаем виртуальные образы самих себя.

«Люди, не выносящие одиночества, обычно совершенно

невыносимы в компании» Альбер Гинон.

Люди, которые учатся принимать одиночество, как данность, со временем приходят к пониманию красоты этого состояния. Тот, кто смог принять неизбежность этого состояния, способен проживать жизнь здесь и сейчас. Ему становятся смешны волнения других людей. Он видит поверхностность созависимости друг от друга. Ему становится в радость природа. Животные. Где бы он ни находился, он осознает, что все мы гости в этом мире, а потому просто наблюдает процесс жизни и ее красоту. Только храбрые духом люди отваживаются познавать сущность одиночества. Другие, напротив, увеличивают круг связей, вовлеченностей в любовные интриги, рабочие процессы, с той лишь целью, чтобы, как им кажется – быть.

«Я обнаружил, что для психотерапии имеют особое значение четыре данности: неизбежность смерти каждого из нас и тех, кого мы любим; свобода сделать нашу жизнь такой, какой мы хотим; наше экзистенциальное одиночество; и, наконец, отсутствие какого-либо безусловного и самоочевидного смысла жизни» Ирвин Ялом.

Только побыв наедине с самим собой, погрузившись в покой своих мыслей чувств, вы сможете услышать тихий голос своего сердца, который направит по верному пути. Не слушайте чужих советов: они делают вас слабыми. Что-то советующий вам человек, ставит вас в позицию несмышленного, слабо понимающего существа. Его любовь проявится лишь

в том случае, если он поможет вам научиться самостоятельно ловить рыбу, а не давать вам ее готовой. Давая вам советы, человек тешит свое никчемное, непризнанное и неудовлетворенное самолюбие.

Состояние покоя, уединенности и медитативного одиночества способно открыть глаза на причины всех неудач вашей жизни. Вам не потребуются психологи, если вы начнете изучать себя изнутри. Молча, спокойно, без критики или оценок. Не ставьте себе оценок и не ставьте их другим. Запомните, пожалуйста, важную мысль: одиночество не является синонимом ощущения того, что вы одиноки. Одиночество дано от природы. Одинокими людьми, даже в толпе, мы делаем себя сами.

Одиночество – это дар! Это одно из самых прекрасных состояний. Если мы научимся слышать тишину Гималайских гор внутри своего существа, мы способны будем прожить более качественную и зрелую жизнь. Выбор остается за нами: становится зрелым (идти по вертикальной линии) или просто стареть (плестись по горизонтальной).

«Одиночество – союзник печали, оно же спутник духовного возвышения» Джебран.

Писать про что-то грустное, когда вокруг и так много зла и приходится стараться, чтобы уйти от грусти, не хочется. Поэтому, наверное, я хочу написать про что-то хорошее, к чему приводит одиночество. Мои литературные таланты (точнее, их отсутствие) не приведут к чему-то выдающемуся.

Одиночество – это потрясающая возможность побыть наедине с собой и возможность разобраться в себе.

Задаю себе один вопрос: как одиночество привело к чему-то хорошему в вашей жизни?

И одиночество закаляет. Есть хорошая мысль, что дружба и любовь проверяются и бедой, и счастьем. И вот, может быть, я нашел, что к этому стоит добавить проверку одиночеством.

Все мои достижения в плане становления личности, повышения своего интеллектуального или духовного потенциала связаны именно с одиночеством, потому что этот прогресс невозможен в толпе, так как ты в толпе распыляешься на множество «я». И эти осколки, они по отдельности друг от друга не прогрессируют. Я не могу сказать, что это общественно ценное знание, но лично для меня это очень ценное – моя личная любовь к литературе в ее истинно высоком значении. Она родилась именно в периоды одиночества, начиная с 16 лет, когда уехал из родительского дома, на свой хлеб. Именно тогда я действительно мог углубиться в прозу жизни, почувствовать ее, точно готовился заранее, почувствовать ее высокий смысл. Потом начинались периоды обсуждений, с людьми пожившими на этом свете, но до этого я должен был вызреть одиночеством. Для меня самый главный пример одиночества, которое привело к потрясающим результатам, – это Гоголь. Я понял (или подумал, что понял), о чем речь, так как люблю и Гоголя, и записки о Гоголе его

современников. И получается, что в жизни и великих людей, и простых, одиночество играет или играло положительную роль. И одиночество дало нам самые великие произведения Николая Васильевича Гоголя.

«...Я могу ошибаться, могу попасть в заблуждение, как и всякий человек, могу сказать ложь в том смысле, как и весь человек есть ложь; но назвать все, что излилось из души и сердца моего, ложью – это жестоко. Это несправедливо так же, как несправедливо и то, что в книге моей ничего нет нового. Исповедь человека, который провел несколько лет внутри себя, который воспитывал себя, как ученик, желая вознаградить, хотя поздно, за время, потерянное в юности, и который притом не во всем похож на других и имеет некоторые свойства, ему одному принадлежащие, – исповедь такого человека не может не представить чего-нибудь нового. Как бы то ни было, но в таком деле, где замешалось дело души, нельзя так решительно возвещать приговор. Тут и наиглубокомысленнейший душеведец призадумается. В душевном деле трудно и над человеком обыкновенным произнести суд свой. Есть такие вещи, которые не подвластны холодному рассуждению, как бы умен ни был рассуждающий, которые постигаются только в минуты тех душевных настроений, когда собственная душа наша расположена к исповеди, к обращению на себя, к осуждению себя, а не других. Словом, в этой решительности, с какою был произведен этот приговор, мне показалась большая собственная

самоуверенность судившего – в уме своем и в верховности своей точки воззрения. Не с тем я здесь говорю это, чтобы кого-нибудь попрекнуть, но с тем, чтобы показать только, как на всяком шагу мы близки к тому, чтобы впасть в тот порок, в котором только что попрекнули своего брата, как, укоривши в самоуверенности другого, мы тут же в собственных словах показываем свою собственную самоуверенность; как, укоривши в не снисходительности другого, мы тут же бываем не снисходительны и придиричивы сами. Благодарен, по крайней мере, тот, кто имеет духу в этом сознаться и не стыдится, хоть бы в глазах всего света, сказать, что он ошибся.» / Из «Авторской исповеди» Н.В.Гоголя / Только с такой самооценкой можно выходить с авторским словом к читателю, мы порой это забываем или не знали, что очень печально.

Если человек обладает силой воли, то в период одиночества он может достичь удивительных результатов во внутреннем развитии или творчестве. Поэтому, когда будет появляться это чувство одиночества, нужно быстро думать: а к чему великому и хорошему это может привести?

Все мы, как известно, у времени в плену. В плену у времени и наши представления о литературе и писателях живут с нами, если мы действительно преданы литературе.

Это было прозрением, потому что стало ясно, что Гоголь совсем не такой писатель.

Нобелевская речь, прочитанная Маркесом в Осло

в 1982 году, названа им «Одиночество Латинской Америки». Если одиночество, по мнению нобелевского лауреата, является культурной доминантой последнего периода развития этого бурного и трагического континента, то да – Гоголь их писатель! Одиночество – вот верно подмеченная на другой стороне земного шара главная черта биографии и творчества Гоголя.

Одиноким во всем. Бессемейный и бездетный. Окруженный друзьями и единомышленниками, которые, как оказалось в жизненном итоге, его меньше всего понимали.

Иначе и быть не могло. Гоголь категорически не укладывался в схемы, которые рисовали его современники. Поэтому его на разных этапах творческого развития последовательно подвергнут острой критике все, кто сначала хвалил. Писатель жил с ощущением своего избранничества, своей роли пророка, мессии, призванного спасти родину, освободить народ от «страшной, потрясающей тины мелочей, опустивших нашу жизнь», указать человеку его дорогу. Именно художник должен пробудить мистической силой своего слова заложенное в каждом гармоническое начало, разрушить язву социальных предрассудков и лжи, освободить из-под гнета коры «земности» (молодой Гоголь) человеческую душу.

Этим чувством личного долга продиктованы известные строки заключительной одиннадцатой главы «Мертвых душ», порой вызывавшие у современников обвинения

в чрезмерной самонадеянности их автора: «Русь! чего же ты хочешь от меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты так, и зачем все, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?...» Его отречение от написанного и нежелание жить, так как он не выполнил возложенную на него свыше миссию, сочтут явным проявлением душевной болезни, и начнут земными средствами насильно лечить, впрочем, нисколько в этом не преуспев. Несмотря на все старания окружающих, он всё равно умрёт в возрасте полных 42 лет.

Гоголь не оставит после себя школы в общепринятом значении этого слова.

Разве кто-то задумывает сейчас «магические» поэмы-романы по образцу «Мертвых душ», которые должны обладать такой силой художественного воздействия, что читатель будет проходить процесс своего внутреннего возрождения одновременно и параллельно с возрождением к новой жизни исказившихся героев? Нет, потому что всё это мы считаем идеалистическими заблуждениями и вслед за Виссарионом Белинским готовы снова и снова повторить: «Много, слишком много обещано, так много, что негде и взять того, чем выполнить обещание, потому что того и нет еще на свете <...>».

Это человеческое и творческое одиночество, эта неистовая вера в свою миссию, это безудержное желание изменить жизнь вокруг вопреки всеобщему неверию, этот максима-

лизм духовных запросов и аскетизм личного быта, наконец, эта бесстрашная готовность пожертвовать собой в любой момент – как они могли не зажечь и не увлечь Маркеса и писателей его континента? Ведь они были рождены близкой по природе исторической реальностью, «питающей неиссякаемый источник творчества, исполненной страдания и красоты», «усилий и крови», «бесконечного насилия», «вековой несправедливости и накопившегося ожесточения», наконец, «неодолимого превосходства жизни над смертью». Что в этих словах из Нобелевской речи не может быть отнесено к Гоголю и Украине?

По словам Маркеса, главная трудность латиноамериканской литературы состояла в том, что ее писатели, являясь детьми «необузданной реальности», осознавали, что им не хватало «обычных средств для правдоподобного изображения жизни». В творчестве Гоголя «необычных» средств для правдоподобного изображения неправдоподобной жизни, в которых они так нуждались, было с избытком. Он придумал в XIX веке драматургию, формы которой мы стали осваивать только в веке XX-м. Он ломал перегородки между сценой и залом, между залом и театром, между театром и жизнью. Герои его пьесы со сцены напрямую и многократно обращались к зрителю. Эпиграф открытым текстом объявлял сцену зеркалом, в котором каждый зритель может видеть самого себя. Увидев и услышав себя, зритель должен был, по замыслу Гоголя, испугаться и ужаснуться. Ужаснуть-

ся своему сходству с героями пьесы, испугаться той степени утраты человеческого облика, которую ему наглядно продемонстрировал театр. Несомненно, именно этот круг рассуждений побудил Гоголя сделать выписку из св. Григория, епископа Нисского: «Те, которые хотят очистить и убелить лице свое, обыкновенно смотрятся в зеркало. Христианин! твое зеркало суть Господни заповеди; если положишь их пред собою и будешь смотреться в них пристально, то оне откроют тебе все пятна, всю черноту, все безобразие души твоей».

Для Гоголя его пьеса – это проповедь, это многоголосый монолог автора, обращенный к каждому из сидящих в зале. Проповедь не заканчивается аплодисментами. И наш драматург в них тоже не нуждается. Он ждет другой реакции от своих современников. В книге митрополита Антония Сурожского «Уверенность в вещах невидимых» почти все беседы с прихожанами заканчиваются словами: «Давайте немного помолчим и потом вместе помолимся». Характерно, что «Слово» на панихиде в сороковой день кончины митрополита Антония близкий к пастырю протоиерей Николай Ведерников закончил такой же формулой: «Дорогие друзья! Я прошу вас: когда вы будете покидать сейчас наш храм, постарайтесь сделать это в молчании, не отвлекаясь мелочными житейскими разговорами, чтобы сохранить обретенное нами сегодня чувство радости, благодатное чувство духовного единения, духовной связи...». Митрополит Антоний в своих размышлениях о существе молитвы подчеркивает, что

«откровение истины» часто заключено в молчании. Показательно, что Гоголь в своих конспектах трудов святых отцов и учителей Церкви выписывает из св. Иоанна Златоуста ту же мысль: «Ибо должно говорить только тогда, когда разговор полезнее молчания». В этом случае становится понятным итоговое заключение митрополита Антония, что «есть такая глубина молчания, которую можно выразить только в гармонии жеста». Вспомним, как подробно описывал Гоголь, какой герой пьесы в каком положении и с какой жестикуляцией должен замереть в «немой» сцене «Ревизора». Немой финал пьесы – своеобразный аналог коллективной молитвы, пробуждающей в каждом, по словам Гоголя, «совесть, которая заставит нас вдруг и разом взглянуть во все глаза на самих себя».

Гоголь вырабатывал стереотип писателя, который пробует себя во всём – в литературе (от поэзии до всех жанров прозы, драматургии и публицистики), в журнальной критике, в гимназическом и университетском преподавании, в географии, в истории, в фольклористике, в этнографии, в охотоведении, в растениеводстве, в живописи, в гастрономии, в домоводстве, в портновском ремесле, в религиоведении и прочее и прочее. Сегодня это уже для нас даже привычно, но тогда выглядело странным и вызывало обвинения в легкомысленности и хлестаковщине. Иначе и не могло быть. А ему просто было нужно опробовать самому, пропустить через себя, через личный опыт все сферы современной жизни.

Это был странный писатель. Странный во всем. Например, он лечил свои физические недуги не медицинскими препаратами, а дальней дорогой, объехав за недолгую жизнь в конном экипаже едва ли не половину известного в то время культурному человеку мира.

Он уже тогда испытал все искусства литературного творчества, которые станут популярными спустя 50;100;150 лет. Он автор произведений в стиле «прозы ужасов» (тот же «Вий» и другие). Он создатель крутых, как говорит современная молодежь, эротических фантазий (например, «Рим»). Он испытает себя «физиологической» (в смысле физиологии человеческого организма, а не литературной школы) повестью, описывающей, как выглядит человек, с которого сняли кожу («Кровавый бандурист»). Задолго до Сальвадора Дали он заполнит свой художественный мир самостоятельно живущими фрагментами человеческих тел (и это не только повесть «Нос»). А уж мистических, демонологических и всяких таинственных сюжетов в его творчестве хоть отбавляй.

И при всем при этом он радостный и верующий в будущее своего современника художник. Это всем видно в его «Вечерах», но это же переполняет его «Миргород», «петербургские повести» и «Мертвые души», хотя мы упорно доказываем обратное. Он рассказывает о трагедии своих героев нам — тем, кто может эти житейские трагедии развеять как фантом одним только своим пониманием несправедливости окружающего бытия. Именно нам предлагают проснуться и рассе-

ять окружающий нас мрак ужаса и безысходности. Не надо никого свергать и убивать. Нет никакой безвыходности! Все возможно, все достижимо, считает Николай Гоголь.

А мы вместе с Михаилом Щепкиным категорически отказываемся играть «Ревизора» как пьесу о человеческой душе, предпочитая пьесу о человеческой плоти.

И повесть «Тарас Бульба», конечно же, не исторический роман, а поэма в прозе. Каждый герой в ней – символ какой-то идеи, зачастую существующей достаточно автономно. Идеи Тараса, Остапа и Андрия – соседствуют, но не поглощают друг друга. Это очевидно всем в отношении Андрия, но это так и в отношении Остапа, что многим может показаться весьма спорным. А между тем Остап – отнюдь не слепок с Бульбы. И в первой, и во второй редакции повести смерть Андрия он воспринимает иначе, чем Тарас.

Вокруг героев ни на мгновение не прерывает своего хоровода большой мир, путающий их планы и разрушающий замыслы и идеалы. Тарас может сколько угодно декларировать на словах свое негативное отношение к евреям, но его будет целый месяц выхаживать после трагической битвы под Дубно «знающая жидовка», а в Варшаву на встречу с сыном повезет «жид» Янкель. Андрий – сын своего отца. Как тот не мог отказать Янкелю во время погрома и спас его, так и сын Бульбы не мог отказать панночке и отправился спасать ее от голода.

Андрий символизирует право человека на преодоление

запретов «корпоративной» среды. Писатель скажет о нем: «... в тогдашний век было стыдно и бесчестно думать козаку о женщине и любви, не отведав битвы». Слова «в тогдашний век» сразу введут дистанцию между прошлым и настоящим, подчеркивая, что сегодня это уже не так. Гоголь прозревает, что это преодоление былых запретов осуществляется в том числе и сегодня, и оно принципиально в конце концов все равно состоится завтра. Однажды «черный», несмотря на все «корпоративные» запреты, все равно полюбит «белую», а «белая» – «желтого» или «красного». Однажды немцы придут на русскую службу, а русские – на немецкую, французскую или английскую. А если говорить о нарушенной воинской присяге, то всё, что последовало за 1917 годом, лишает нас на долгое-долгое время права говорить на эту тему. Этой присяге и государю императору изменили тогда практически все.

По Гоголю, люди должны переступить через границы ненависти. В противном случае, эти границы будут оставаться для них границами смерти. Но первые из тех, кто откажется эти границы переступить, подавая нам пример, заплатят за это жизнью.

Готовы ли мы к новому прочтению творческого наследия нашего классика?

«Мертвые души» – не роман. Это тоже, конечно же, поэма. Это светлое и радостное произведение о грядущем и неизбежном возрождении всех этих героев, созданных со-

всем для другой жизни. Это не помещики, не чиновники, не дворяне. Это просто живущие сегодня люди (включая разnochинцев и крестьян), которые запутались в закоулках заблуждений и лжи. Это все мы, каждый из нас. Никому не хорошо от того, что мы такие. В первую очередь, нам самим. Так давайте это изменим, подсказывает нам автор. Я знаю, как это сделать. Но я могу это сделать только вместе с вами. Помогите же мне!

Но мы ему откажем, объявляя его веру в возможность изменения окружающего мира ненасильственным путем, мистической силой одного только слова – беспочвенным идеализмом человека, не понимающего реальности. Мы полагали, что он недооценивает незыблемости и подлинности государственных и социальных институтов, побеждающих своей каменной неподвижностью миражи романтических идеалов. В результате, за 150 лет после его смерти на наших глазах сначала в одночасье рухнула Российская империя, а потом и Советская. Так что же в итоге оказалось миражами: государственные институты или идеализм его убеждений? Вместо того, чтобы помочь его героям (вместе с читателями!) пройти путь к обретению своего истинного облика и Божьей правды, мы запрем их в клетки своих социологических толкований, рассказывая посетителям нашего литературного зоопарка о трагической судьбе бесповоротно сломленного несправедливой жизнью маленького человека. Мы не дадим ему, маленькому человеку, состояться как свободной лично-

сти, мы сделаем его зависимым и несвободным навсегда. Мы его духовно искалечим.

В итоге, к началу XX века мы вырастим из отдельно взятых «маленьких людей» в агрессивную и беспощадную толпу, которая поможет диктаторам этого кровавого столетия истребить сотни миллионов рожденных и не родившихся себе подобных. Гоголь горестно прозревал грядущие массовые убийства и пытки, которые будут совершаться якобы во имя величайших идеалов гуманизма. Он предугадывал ожидавший нас в XX веке тотальный контроль над человеком со стороны безжалостных деспотов, опирающихся на полное согласие миллионов своих подданных. Гоголь констатирует глубокий кризис, который переживает христианское общество. Он скажет об этом открыто и резко: «Выгнали на улицу Христа, в лазареты и больницы, вместо того, чтобы призвать Его к себе в дома, под родную крышу свою, и думают, что они христиане». Писатель себя первого не считает праведником, свободным от этого греха. 12 января 1848 года он признается в письме о. Матфею: «... веры у меня нет». И тут же напишет: «Хочу верить». Именно из-за безверия, которое сразу же впускает в человеческое сердце страх, проиграет свою битву с нечистой силой Хома Брут в повести «Вий». И проиграет он ее не где-нибудь, а прямо в стенах церкви.

Гоголь ищет новый смысл церковной службы. Он пишет целый труд «Размышления о Божественной Литургии», шту-

дирует и конспектирует, как мы уже отмечали, труды святых отцов и учителей Церкви. Он совершит паломничество к святым местам в Иерусалим, многие годы будет напряженно размышлять о существе веры. Сын Украины, писатель на примере драматической истории своей родины знает, как сложны и трагичны вопросы существования Церкви. И при всем при этом Украина не мыслит своего существования вне Бога.

Гоголь сторонник единства христиан всех обрядов (письмо М. И. Гоголь от 22 декабря 1837 года). Да что там христиан! Он неустанно молился за своих гонителей и непреклонных критиков: «Увы! позабыл бедный человек девятнадцатого века, что... нет ни подлых, ни презренных людей, но все люди – братья той же семьи, и всякому человеку имя брат, а не какое-либо другое». Он выписывает из св. Афанасия Великого: «Все творения Божии добры и чисты. Ибо ничего бесполезного или нечистого не сотворило Божие Слово».

Безусловно, Гоголь мог бы повторить слова Патриарха Алексия I, которые приводит в своей книге «О встрече» митрополит Антоний Сурожский: «Церковь – это тело Христово, распинаемое ради спасения своих мучителей». Именно эта мысль заключена в выписке, которую писатель делает из св. Петра: «Тако Стефан, первый по стопам Его подъявший мучения, взят беззаконниками во Иерусалиме... и, камением побиваемый за имя Господа Иисуса Христа, прославился, моляся и глаголя: Господи, не постави им греха сего».

Наднациональным образованием была, в понимании писателя, Сечь, куда приходила «гибель народа, и хоть бы кто-нибудь спросил: откуда эти люди, кто они и как их зовут». И тот факт, что тут было много «офицеров, которые потом отличались в королевских войсках», ясно говорит о том, что в казаки попадали не только дети славян. В первой редакции повести «Тарас Бульба» эта мысль была выражена кратко и предельно ясно: «... впрочем, из какой нации здесь не было народа? А мы тем временем снова и снова ведем бессодержательный спор – украинский или русский писатель Николай Гоголь. Во-первых, слово «русский» в пушкинско-гоголевское время (как и позже!) не было этнонимом. Это был политоним, определявший принадлежность человека к Российской империи. Этнонимом было «великоросс». Поэтому, конечно же, Гоголь был русский писатель, с полным правом воспевавший в казацкой повести «Тарас Бульба» русское товарищество (не великорусское!). Гоголь был русским писателем украинского происхождения. И он никогда не забывал и не отрекался от этого своего происхождения, как Габриэль Гарсиа Маркес, будучи латиноамериканцем, не отрекался от того, что он колумбиец.

Украинская природа Гоголя сказалась во всем – в «Вечерах», в «Тарасе Бульбе», в его украинских повестях. Так, в «Старосветских помещиках» автором осуждаются «низкие малороссияне»: они «дерут последнюю копейку с своих же земляков», «наживают наконец капитал и торжествен-

но прибавляют к фамилии своей, оканчивающейся на о, слог въ». В конце концов, его украинская природа в самой повествовательной стихии любого из его произведений. Она вся пронизана и настояна на украинском языке!

Забыв значение слов, мы через призму сегодняшних понятий читаем Гоголя и неверно его толкуем. Сколько раз уже как доказательство якобы сделанного им окончательно выбора в пользу «русской» идеи приводились слова художника из декабрьского письма 1844 года, адресованного А. О. Смирновой-Россет: «Скажу Вам одно слово насчет того, какая у меня душа, хохлацкая или русская... На это Вам скажу, что сам не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому пред малороссиянином. Обе природы слишком щедро одарены Богом, и как нарочно каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой – явный знак, что они должны пополнить одна другую. Для этого самые истории их прошедшего быта даны им непохожие одна на другую, дабы порознь воспитались различные силы их характеров, чтобы потом, слившись воедино, составить собою нечто совершеннейшее в человечестве». Напоминаем, что эта цитата из частного письма. В повести или статье эта фраза была бы вычеркнута цензурой, потому что эти слова – совершенная крамола. Гоголь утверждает, во-первых, что малороссийское начало ничем не уступает великорусскому по значимости и масштабу, и,

во-вторых, что без него общерусское явление просто не может успешно состояться. Вместе с малороссийским может, еще и создав при этом «нечто совершеннейшее в человечестве», а без него – нет. Эти два начала у Гоголя расположены не вертикально, подразумевая подчинение одного другому, а горизонтально, утверждая их полное равенство. Теоретической разработкой проблемы взаимоотношений России и Украины является незаконченная повесть «Рим», в которой этот вопрос осмыслен через ментальное противопоставление Парижа и Рима. Как герой повести в своих соотечественниках-итальянцах, так и Гоголь в народе Украины «видел» «материал еще непечатый», «стихии народа сильного ... , для которого как будто бы готовилось какое-то поприще впереди».

Думаем, что гоголевскую правоту в целом ряде вопросов мы сегодня, через 150 лет, можем наблюдать воочию. Все видят, что Гоголь выдумщик. Все исследователи снова и снова подчеркивают, что Гоголь мистификатор. Да, он создал миф о себе самом, который гоголеведы растолковывают друг другу уже более 150 лет. Но он заплатил за этот миф не только многими томами исписанной бумаги, но и собственной жизнью. Он бескорыстен. Он создал миф не для своей, а для нашей жизни, для нашего бытия. Своим мифом он наделил наше бытие смыслом. Но этого мало. Он щедр. Он делает подарки не только Украине, но также и миру. Так, он подарил России ее главный визуальный бренд – птицу-тройку. Он

также создал и подарил стране, в которой состоялся как художник, миф о Пушкине, а через него – миф о самой России и русском человеке: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русской человек в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет».

Гоголь в принудительном и безоговорочном порядке поставил перед Россией задачу: через 200 лет каждому русскому стать как Пушкин. Он не дает России прозябать. Он ставит перед ней тяжкую задачу титанического душевного труда. Он отправляет ее в дорогу. По существу, он созидает саму Россию, обозначая вехи ее развития, указывая ей ее путь.

Кстати, «пушкинский» экзамен Гоголю Россия будет сдавать совсем скоро – в 2034 году.

Гоголь, конечно, не Хлестаков, кем мы старались его порой окрестить. Да, он совсем не святой. Он земной и грешный. Он вместил в себя всех человеческих страстей, в том числе и суетных. Верно и не подлежит сомнению, что меж детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он. И мы можем вслед за его современниками и мемуаристами составить долгий список его грехов и ошибок. И в то же время и рядом с этим – он человек, у которого была миссия. Миссия, которую он осознавал и о которой не забывал даже в самых глубоких своих падениях и заблуждениях. Словом, опять по Пушкину: «Но лишь божественный глагол до слуха чуткого коснется...». Он, конечно же, не Хлестаков. Доказать

это очень просто: Хлестаковы так не умирают. Они вообще рано не умирают. Они живут долго и сыто. Он же не захотел ни того, ни другого. Он вообще не захотел с нами жить. Он решил уйти сам. Уход его полон тайн и загадок еще на многие времена и, не на одно поколение, в поисках истины.

Артур Шопенгауэр *В одиночестве каждый видит в себе то, что он есть на самом деле.*

За письменным столом

Эссе

Прошли неимоверно трудные годы самообразования, ученичества авторскому слову, вживания в литературный процесс различных творческих объединений и коллективов. Кажется вчера, усадил себя через силу, через не могу, начать писать о прожитых, интереснейших годах, проведенных в родительском доме, захолустного села Заводоуспенское, крайнего юго-востока Зауралья, где в 1886 году, проездом, находился несколько дней, знаток Урала конца XIX века, начало XX века, писатель Д.Н.Мамин-Сибиряк.

В полном собрании его сочинений опубликованы два рассказа «Варнаки», «Последнее клеймо» о каторге и каторжанах 60-х годов XIX века Успенского винокуренного завода «Отец и сын Походяшины». Потомки того угнетенного народа, природа тех мест отложились в памяти прочно и, живут со мной по сегодняшний день. Благодарная память о хороших людях, что окружали меня с детства, самобытная жизнь поселенцев Западной Сибири, богатая история того края, литературное наследие непреходящего значения, привели меня за письменный стол и, раз начав писать, я уже не мог оставить это труднейшее и интереснейшее ремесло. Привычка по многу часов в день, находиться за рабочим столом, привилась мне вследствие шестилетней заочной учебы

в институте. Через много лет, я словно возвратился в то далекое, счастливейшее время жизни и познания высоких материй разных неведомых наук. За те годы выработалась дисциплина ежедневной работы над текстами, контрольными заданиями, курсовыми работами. Самое главное – выработалось умение работать с литературой различного назначения и любой сложности, объема, быстро находить главное и, отбрасывать все второстепенное. Если бы в жизни так происходило, уметь вовремя отбросить все наносное, не нужное.

Перечитывая В. Каверина, его автобиографические книги, написанные изысканным слогом, нашел для себя точку опоры:– «Трудно представить себе, что человек, любящий и знающий русскую литературу, увидев в поле красный татарник, не вспомнит толстовского „Хаджи—Мурата“. Такова сила совершенного произведения искусства. Оно сопровождает нас всю жизнь. Оно, не спрашивая нас, вмешивается в наши дела и делает нас благороднее, веселее, честнее».

Классическая русская литература со школы, была и остается для меня главной отдушиной в серых буднях нашей действительности. Постепенно любовь к чтению, с возрастом, стала переходить в желание самому начать пробовать писать короткие рассказы. На это я долго не решался, преобладало желание получить гуманитарное образование, близкое к литературе. Учиться еще шесть лет заочно, перспектива безрадостная. Выбрал двухгодичные заочные курсы факультета журналистики. Учеба увлекла, многое узнал полезного для

написания статей, репортажей, интервью. На втором курсе подробно изучали методику и примеры написания очерка. Не удержался и, вместе с написанным контрольным очерком, послал на суд преподавателя, давно написанный рассказ «На реке». Через некоторое время получаю оцененный на отлично очерк и лестный отзыв о рассказе. Это окрылило и придало мне уверенности в возможности писать при систематической учебе литературному слову, с постоянным анализом критики, какой бы она ни была. Главное было сделано – никакой спешки и полное отсутствие самоуверенности. Прошло какое-то время, после окончания факультета журналистики. В этот период искал себя в литературном жанре. Решил, что в начале пробы авторского слова, лучше начинать с прозы малой формы – рассказа, эссе, новеллы, очерка. С первых рассказов сложился стиль откровенной, не замысловатой, доверительной беседы с читателем.

Началась спокойная ежедневная кропотливая работа за письменным столом, приносящая радость начала нового этапа в моей жизни, последнего, в её завершении.

Как-то сразу определилась трилогия рассказов о трудном пути становления новой жизни, после неудачной попытки учиться в Архангельском мореходном училище. Перемена климата отразилась на моем зрении, оно резко ухудшилось и, мне пришлось переводиться в техникум на Урал, родные места. Болезненно покидал хорошо обжитую обстановку в училище. Кубрик первой роты, сокурсников, с которыми

ми вжился в режим мореходки и вместе ходили в увольнение по старинному северному, поморскому городу, с еще сохранившейся деревянной архитектурой. Мне очень понравился драматический театр имени М.В.Ломоносова, размещенный в старинном деревянном здании с резными окнами, креслами ручной работы, очень удобными и красивыми в своем исполнении. Раз в месяц посещал этот театр и был единственным заядлый театрал из всей первой роты училища. Однажды меня там увидела наш классный руководитель, Вера Михайловна, поблагодарила за умение культурно проводить увольнение. На классном часе упомянула это приятное событие. Много позже мне пригодилась выработанная культура общения с высоким искусством.

В рассказах «Возвращение», «К новой жизни», «Год жизни и вся жизнь» прослеживается стремление к пониманию предназначения литературы в нашей повседневной жизни, способности сделать её насыщенной высоким предназначением для себя и окружающих, только тогда она приобретает истинный смысл и ценность для человека быть в этом мире не потерянным в круговерти жизненных событий. Сохранилась записанная фраза В. Каверина из повести «Освещенные окна»: – «...Я впервые понял тогда, что, хотя в моей жизни не произошло ничего необыкновенного, она отмечена неповторимостью, характерной почти для каждого из моих сверстников, и разница между ними и мной состоит только в том, что я стал писателем, и за долгие годы работы научил-

ся, в известной мере, изображать эту неповторимость». Его повесть о пережитом такая светлая, чистая, интересная, читается с истинным наслаждением, что не замечаешь время увлечения за чтением. Это дар большого писателя, у которого надо учиться живому слову правды, изысканному, красивому стилю письма. Книга Вениамина Александровича Каверина «Литератор», образец писательской мудрости:

– «Художественная правда, на мой взгляд, всегда есть следствие работы над подлинностью, над фактической стороной жизни. Ее для более ясного понимания можно представить в виде такой упрощенной формулы: это подлинный факт или случай плюс талант, упорство, мастерство, плюс стремление завоевать и удержать внимание читателя. По моему глубокому убеждению, писатель, для того чтобы жизненная правда, преобразовавшись в правду художественную, присутствовала в его произведениях, должен обладать еще одним очень важным качеством. Ему нужен твердый, уверенный взгляд на то, что происходит вокруг, и ясное представление о том, что, с его точки зрения, должно происходить. То есть у него должно быть четко выраженное мнение обо всем, на чем останавливается его внимание. А этот уверенный взгляд, как известно, не случаен. Он зависит от нравственной позиции, на которой стоит литератор. Он определяется и характером самого писателя. В этом взгляде, наконец, сказывается даже художественный вкус автора, его страсти к определенному жанру, а также то, насколько да-

лек он от других „товарищей по оружию“. Одним словом, это очень сложная причинно-следственная многогранная связь, которая представляет собой, в сущности, результат работы, у одних писателей – многолетней, а у других, более счастливых и удачливых, – легко дающейся в руки».

Зная наизусть эту высказанную мысль, доверившись многолетнему опыту классика двадцатого века Вениамину Александровичу Каверину, жизнь для меня забрезжила уже совсем другими красками!

В 1965 году им была написана книга статей и мемуаров «Здравствуй, брат. Писать очень трудно...». Таким было приветствие среди членов литературного объединения «Серапионовы братья», созданного в 20-е годы двадцатого столетия. Писатель заголовком книги подчеркнул трудный пути творчества и сразу предостерег читателя о важности, сложности ее содержания. Человек не искушенный в желании освоить писательский труд, вряд ли притронется к такой книге, лучше его сразу предупредить о напрасном занятии. Уже в названии книги заостряется ее сущность и кому она адресована, а это и есть высокий талант писателя. Мы должны этому учиться непрестанно и систематически, без этого не будет движения вперед.

Хорошо, что я интуитивно правильно начал писать о том, что узнал из реальной жизни и обстоятельств, своего времени. Меня как будь-то, сам Каверин вел по правде жизни отображенной мной. Очерк «Далекая и близкая Родина»

по истории и трагедии малой Родины на Урале, нашел многочисленные положительные отзывы у читателей и издательства Международного литературно-художественного журнала «Союз писателей», №7—8/2015г. К этой художественной правде я шел долгих, три года ежедневного, кропотливого труда. Все боялся оступиться в своем начальном пути неизвестного автора. Главное – не стремился во что бы то ни стало вступить в литературный мир, который так богат на таланты, а тем более русских писателей, наших современников, праведников вечной русской боли за обездоленность нашего народа, которая продолжается и по сегодня, в набирающий все больший темп, выбранный «верхами» капиталистический путь развития России. Но нашему народу этот возвратный путь не принес достойную жизнь на всем постсоветском пространстве. Писатели должны и обязаны по своему моральному долгу показывать истинное положение народа в «развитом» российском капитализме. Это не наигранная тема на людской беде, а веление нашего новейшего времени, когда ежегодно исчезают с карты России рабочие поселки, села, деревни. Тотально вымирают сельские территории. Вот об этом я и написал в своем очерке, не претендуя на исключительность.

Совсем недавно попалась мне на глаза статья «Кто такой графоман? Убей в себе графомана!» Олега Волкова, обозревателя форума «Лениздата». Материал полезный для всех творческих работников:– «...Личные комплексы нужно бе-

речь и лелеять. Для подавляющего большинства писателей они являются главными и единственными стимулами к творчеству. Другое дело, что держать их нужно под строгим контролем. В первую очередь, познайте собственные слабости и навязчивые желания и не сыпьте их щедрой рукой на страницы собственных произведений. Сделать это трудно и тяжело, но надо. А иначе приговор вам будет суров и краток: «Ваша рукопись нам не подходит».

Хорошо, что вовремя прочитал воспоминания современников о советском поэте-классике Твардовском А. Т., его редакторской работе на посту главного редактора журнала «Новый мир», его требованиям к литературе и авторам. Вот на чем надо себя готовить, прежде чем отправлять в издательства свои рукописи. Я только этим объясняю свою многолетнюю задержку выхода на «подиум». Иначе не мог, перед его памятью, литературным наследием и памятью о блестящей плеяде писателей, вышедших из стен редакции журнала «Новый мир». Может быть, когда-нибудь, в отдаленной перспективе рискну послать свою рукопись в строгую и требовательную редакцию журнала «Новый мир».

Современники А. Т. Твардовского подчеркивают два его основных критерия в оценке литературного произведения:— «Это подлинная народность и реализм, а также высокое художественное мастерство, причем второе вытекает из первого. Александр Трифонович подчеркивает принцип правдивости „до конца“, жизненности, доступности искусства, для

всех, мало заботясь о собственно эстетическом его восприятии».

Вот ключи к успеху любого жанра литературы, вот к чему мы должны стремиться и, что должны помнить всегда, сядя за письменный стол. У нас в Белоруссии, таким высоким требованиям отвечал писатель Василий Быков в 60-е годы, которого тоже открыл Твардовский для массового читателя. В год 90-летия со дня рождения нашего Народного писателя вышло из печати 2-х томное исследование Сергея Шапрана: «Василь Быков. История жизни в документах, публикациях, воспоминаниях», Библиотека Батьковщины. Это титанический труд журналиста, фактически проходил под пристальным оком властей. Им так не хотелось освещать последние трагические годы жизни писателя. Честь и слава автору, донесшему до нас горькую правду ухода Великого Народного писателя. А вот что отмечает Сергей Шапран о начальном периоде общения Твардовского и Василя Быкова:

«Они и были-то знакомы немногим более шести лет – Василь Быков напечатал в «Новом мире» Александра Твардовского три повести, однако это недолгое сотрудничество, как справедливо заметит Борис Клейн, историк и друг Василя Владимировича в гродненский период его жизни, позволит Быкову за несколько лет из провинциального литератора подняться «до писателя с мировым именем, какого, может, и не было еще ни у кого из белорусов¹.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.